

«Словарь сербских народных верований о растениях» является посмертным изданием рукописи известного югославского этнографа и филолога, члена-корреспондента Сербской академии наук и искусств, профессора Белградского университета Веселина Чайкановича (1881—1946). Рукопись словаря (хранится в архиве Сербской академии наук и искусств, № 13530) подготовил, дополнил и предварил предисловием Воислав Джурич. Благодаря его усилиям югославские и зарубежные ученые и просто любители природы получили чрезвычайно интересный и полезный словарь-справочник по верованиям и обрядам сербов, связанным с деревьями и растениями. Сразу же нужно оговориться, что материал, собранный В. Чайкановичем, выходит за рамки названия книги. В ней рассматриваются обряды и верования, связанные с растениями у всех народов Югославии. Безусловную ценность книги составляет также сравнительно-этнографический материал — сопоставления с верованиями и представлениями о растениях у восточных славян (прежде всего русских) и других народов (персов, греков, немцев).

Замысел создания подобного словаря возник у В. Чайкановича еще в 1935 г., когда он начал серьезно заниматься историей религии и мифологии у сербов. В статье «Трн и боярышник в народной сербской религии» (1936) В. Чайканович, в частности, писал: «Культ растений и деревьев был сильно развит у древних сербов. В этом отношении они, разумеется, не составляли исключения среди других европейских народов, у которых растения и деревья в далекой старине также имели большое значение: и все-таки значителен факт, что из этого культа у сербов и до сегодняшнего дня сохранилось больше пережитков, и они проявляются более отчетливо, чем у многих других народов»¹. Очевидно, это наблюдение побудило В. Чайкановича и в дальнейшем изучать верования и обряды, связанные с растениями и деревьями, в плане общей занимавшей его проблемы развития сербской мифологии и религии². Итогом многолетних изысканий ученого явился рецензируемый «Словарь», в котором он, по мысли В. Джурича, «завершил реконструкцию значительной части всей древнесербской религии» (с. 14). При этом Чайканович не просто описывал архаические верования и обычаи югославянских народов, связанные с культом растений, но и «упорно исследовал смысл каждого явления и связи между ними, происхождение и цель отдельных верований и культа растений в целом» (с. 15).

В основу труда Чайканович положил многочисленные источники. Он использовал свои полевые наблюдения, фольклорные произведения югославян (в частности, из собрания народного творчества Вука Ст. Караджича, Вука Врчевича и др.), а также многочисленные научные исследования югославских и зарубежных этнографов и филологов (Б. Шулек, П. Софрич, Тих. Джорджевич, М. Миличевич, Н. Бегович, Др. Симонович, И. Болт, Г. Поливка, О. Манхардт, Б. Штаубли, Э. Шневайс и мн. др.).

В словаре в алфавитном порядке рассмотрено около трехсот растений и деревьев (помимо сербского названия дается латинское и немецкое). Наиболее подробные статьи посвящены базилику, боярышнику, иве, кизилу, кукурузе, яблоку, крапиве, лесному ореху, липе, пшенице, чесноку. Почти все статьи «Словаря» строятся по единому плану: сначала даются религиозно-магические представления о том или ином растении или дереве, уходящие в далекое прошлое — в эпоху язычества, рассказывается о связи их с культом предков или аграрным культом, о бытовании в фольклоре, о суевериях и гаданиях в разных областях Югославии, приводятся сведения о применении растений в народной медицине.

Рассмотрим некоторые, на наш взгляд, самые интересные статьи.

С липой (сербск. — липа, лат. — *tilia*) у южных славян связано множество древних поверий. Она считалась культовым, священным деревом. Около нее строились церкви и мечети, ей приносились жертвы, о ней были сложены разные легенды, что доказывает широким распространением топографических названий, связанных с этим деревом. Ей приписывались магические свойства: считалось, что она источник «живого огня», который оберегает людей и скот, лечит от многих болезней. Ветками липы украшали двери и окна на Георгиев день (Ђурђевдан) и Троицу, считая, что это защитит дом и скот от злых сил. С липой связаны свадебный и похоронный обряды. В Герцеговине, например, девушка и парень в день свадьбы ходили с веточками липы в руках вокруг церкви; свидетели жениха и невесты считали, что соблюдение этого обычая убережет молодых от всякого зла. В народной медицине липа занимает значительное место. Углями липового дерева лечат скот, открытые раны посыпают липовым пеплом, настоем цветов липы пьют от болей в желудке, при простуде, липовый чай дают женщинам для увеличения лактации и т. д.

Базилик (серб. — босњак, лат. — *ocimum basilicum*) позволяет понять сущность культов, характерных для югославянских народов и сохранивших отголоски древних представлений. Базилик, по народным поверьям, имел широкое апотропеическое значение. Так, в Восточной Сербии новорожденному выводили крест на лбу сажей сожженного базилика для защиты от болезней или клали базилик к нему в изголовье; в течение 40 дней после рождения ребенка купали в воде с базиликом. В некоторых областях Югославии существует поверье, что базилик, положенный за правое ухо у женщины или под подушку с правой стороны у мужчины, предохраняет от нечистой силы.

¹ Чайкановић В. Трн и глог у народној српској религији// Српски књижевни гласник. 1936. Бр. 49. С. 125—130.

² Чайкановић В. Мит и религија у Срба. Београд, 1973.

Базилик широко применяется в ритуальных действиях, связанных со свадебной обрядностью (гадания о суженом на венке из цветков базилика). Тканый пояс, которым свекровь подпоясывала свою новую невестку, в трех местах также украшался базиликом. Теща обычно кропила зятя водой, настоенной на базилике, когда он впервые вошел в ее дом. В Боснии базиликом украшают свадебный пирог (колач).

Базилик тесно связан с аграрной магией. При первой пахоте это растение клали коню в ухо, а также примешивали к семенам перед посевом, и пшеницу целую ночь перед посевом держали вместе с базиликом.

Кроме того, растение играет большую роль в обрядах, связанных с культом предков. Например, в окрестностях Гевелии (Македония) его кладут в изголовье покойника, подобно тому как древние греки и живущие в Югославии выходцы с Кавказа и Малой Азии клали в изголовье покойника другие ароматические растения, базиликом украшали могилы.

Народная медицина — сокровищница ценного и порой еще не объясненного опыта. Изучая ее, мы лучше познаем человека как составную часть природы. То, что кажется нам суеверием наших предков, так или иначе имеет рациональное зерно, однако это рациональное зерно чрезвычайно трудно отделить от религиозно-магических представлений. По существу это и не входило в задачу рецензируемого словаря. Тем не менее материалы книги помогут внедрению традиционных знаний в современную медицину.

В. Чайканович отмечает, что базилик широко используется в народной медицине. Семена растения используются как лекарство от насморка и лихорадки, масляная настойка заживляет раны, роженние рекомендуется пить настоем из базилика и т. д.

Базилик часто фигурирует в сербском фольклоре, обычно его связывают с анимистическими представлениями: жених и невеста сравниваются и идентифицируются с базиликом (с. 48).

Кукуруза (сербск.— кукуруз, лат.— *zea mays*) связана с наиболее архаическими формами религиозно-магических представлений и занимает большое место в аграрном культе, гаданиях и народной медицине. Существует поверье, что обрядовый кукурузный хлеб (колач), одна половина которого закапывается в землю, защищает от града. В сочельник (бадье вече) молятся, чтобы урожаем кукурузы был хорошим, на славу (крсно име); хозяйка, доставая ситом, через которое просеивает муку, до потолка, говорит: «Пусть такой высокой уродится кукуруза». В сельскохозяйственном культе кукуруза имеет большое значение особенно в тех областях, где она является основной пищей. Во время сбора урожая кукурузы омельские сербы вылушивают лучшие зерна из початков кукурузы и оставляют их для посева, а остов початка после захода солнца пускают по течению реки, говоря при этом: «Кукуруза течет (растет) из земли, как вода течет в реке».

Кукуруза связана также и с похоронной обрядностью. Она приносится в виде жертвы предкам, которых часто наделяют функциями божества плодородия. В качестве жертвоприношения мертвым первые початки приносят после захода солнца и бросают в какой-либо водоем (на поле) или в реку, в которой, по поверьям, обитают души умерших предков. В Восточной Сербии кукурузная каша обязательно готовится к субботней заупокойной молитве. В Черногории ни один сочельник не обходится без кукурузной каши, ею также угощают в тех домах, где умер человек.

Кукуруза до сих пор у югославянских народов широко применяется для лечения разных болезней. Вода, в которой сварена кукуруза, употребляется при кашле, болях в желудке, при туберкулезе. Кукурузная мука — лекарство от ожогов, кукурузная каша используется для теплых компрессов и т. д.

Завершает словарь В. Чайкановича дополнение, подготовленное В. Джуричем. По сути дела оно представляет собой обзор верований, исследованных в работах югославских и зарубежных этнографов после второй мировой войны. В «Дополнение» входят разделы: I. Дополнение к некоторым статьям в «Словаре». II. О растениях, которых нет в «Словаре». III. По поводу статей, которые отсутствуют в «Словаре». Особый интерес в «Дополнении» представляют, на наш взгляд, обряды, связанные с пшеничным (или кукурузным) культовым хлебом (см. статью «Колач», опубликованную В. Чайкановичем в 1928 г. в Гласнике этнографического музея в Белграде)³.

Колач играет очень важную роль в комплексе обрядов от рождения до смерти. На Новый год, на свадьбу, на Славу всегда выпекают обрядовый хлеб. В разных областях Югославии существуют различные обычаи, связанные с приготовлением обрядового хлеба.

Помимо статьи об обрядовом хлебе в «Дополнение» также включены статьи общего характера, публиковавшиеся в различных других изданиях, такие, как «Запис» («Священное дерево»), «Митско билье» («Сказочные (чудодейственные) деревья и растения»), «Сетва» («Сев»), «Табуиране бильке» («Растения-табу») и т. д.

Словарь В. Чайкановича дает широкое представление о самых различных, до сих пор бытующих у народов Югославии архаических формах поверий о растениях и деревьях, сопровождавших человека в течение всей его жизни, в будни и праздники. Он, безусловно, представляет большой научный и практический интерес с точки зрения изучения этнографии, истории религии, фольклора народов Югославии. Книга будет полезна и широкому кругу специалистов — социологам, психологам, филологам, историкам культуры. Можно согласиться с автором предисловия, который считает, что литературоведы найдут в нем богатый материал для разгадки поэтических символов, а писатели и художники — источник для изображения прошлого своих народов. Словарь

³ Гласник этнографског музеја. Београд, 1928. № 3.

В. Чайкановича представляет собой практическое оружие в борьбе за защиту окружающей нас среды.

Закончить рецензию хочется словами В. Джурича: «Книга о культе растений благодаря стечению обстоятельств и игре случайностей превращается в свидетельство мудрости предков вопреки их заблуждениям: они обожали и охраняли растения, а потомки их уничтожают (и с ними воду, воздух, землю, животных и себя). В дни, когда источники жизни и ее красота подвергаются угрозе, кажется, что освященные дубравы и столетние древние стволы деревьев шумят где-то вдали, печальясь о последующих временах» (с. 17).

М. М. Керимова

Н. А. Красновская. Происхождение и этническая история сардинцев. М.: Наука 1986. 221 с.

Сардинцы принадлежат к числу тех малых этносов Европы, к которым в отечественной науке до последнего времени не проявлялось сколько-нибудь заметного интереса. Поэтому рецензируемая книга оказывается у нас первым монографическим исследованием, в котором представлены и этническая история населения Сардинии, и «традиционное» этнографическое описание многих важнейших областей его культуры. Думаю, однако, что работа Н. А. Красновской имеет приоритет не только в советской науке: по существу перед нами первая марксистская работа по достаточно острой не только в научном, но и в политическом смысле проблеме места сардинской культуры и сардинского языка в современной Италии. А эта проблема в свою очередь входит составной частью в более крупную — место и перспективы развития малых этнических общностей в высокоразвитых и в принципе моноэтнических странах Западной Европы. И применение к этому кругу вопросов концептуального аппарата и результатов последних исследований по теории этноса, проделанных в нашей науке, представляется с самого начала заслуживающим одобрения.

Сардинская культура, отражающая многовековую историю народа, историю, изобиловавшую контактами с самыми разными этносами Средиземноморья, неизбежно оказывается многослойной. Автор книги прекрасно отдавал себе в этом отчет; собственно, вся начальная часть работы посвящена анализу такой многослойности, ее истоков, форм проявления, сравнительной устойчивости или, наоборот, недолговечности. А такой анализ с необходимостью предполагал многообразие используемых источников: разных по языку, по культурной среде, в которой они создавались, наконец, по идеологической тенденции. Отрадно отметить, что Н. А. Красновская вполне успешно справилась с этой очень непростой задачей.

Как уже сказано, книга начинается обстоятельным показом последовательных этапов эволюции населения острова. Исторически сложилось так, что через Сардинию одна за другой прокатывались волны завоевателей (в их число можно, видимо, включать и «мирных» колонистов, потому что такая колонизация редко обходилась без столкновений). И уже в древнейшую эпоху сформировалась характерная черта всей этнической и культурной истории острова: особая роль горных его районов в сохранении самобытности и специфики собственного сардского элемента, несмотря на продолжительное и достаточно мощное воздействие нескольких великих культур (не говоря уже о защите этой самобытности от чисто хищнического воздействия, скажем, вандалов, лангобардов и даже арабов, для которых Сардиния в отличие от Сицилии была лишь объектом грабежа). В исследовании Н. А. Красновской привлекает, во-первых, четкая постановка вопроса о несовпадении сардов древности с шардана, известными нам по истории Древнего Египта (с. 32—37). Внимательно проанализировав доступный материал, автор этот вывод серьезно аргументирует. Во-вторых, привлекает внимание подробное рассмотрение того, как складывались и функционировали «смешанные» варианты культуры — сардо-пунический, сардо-римский. Вместе с тем в полной мере показаны и регрессивные влияния извне на складывавшуюся сардинскую этническую культуру — вандалское или арабское.

В целом приводимый в книге фактический материал позволяет принять точку зрения Н. А. Красновской относительно завершения формирования сардинского этноса в период между V и XI вв. (с. 79—81). В этой связи справедливо подчеркнута роль независимых юдикатов в данном процессе (хотя, может быть, о ней можно было бы сказать и с еще большей определенностью).

Опять-таки, специфика исторического развития Сардинии предопределила, пожалуй, большее, чем во многих других случаях, значение сардинского языка в сохранении этнических черт народа. И исследовательница уделяет этому особое внимание, рассматривая языковую проблему в самые различные периоды. История сардинского языка, как она представлена в книге, служит достаточно весомым подтверждением той датировки складывания средневековой сардинской этнической общности в V—XI вв., о которой только что шла речь. Здесь следует обратить особое внимание на то, что существенным фактором, в немалой степени предопределившим устойчивость сардинского языка как самостоятельного, послужило сравнительно раннее возникновение письменности на этом языке. Именно в этой связи представляют большой интерес описываемые на с. 79—81 памятники письменности, в частности законодательные тексты. С другой стороны, и здесь заслуживает внимания несомненная, на мой взгляд, связь, существовавшая между их появлением и складыванием независимых юдикатов.